

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

На этот раз ошибка
может стоить многих
жизней...

РАЗВЕДКА

41 ГО

СВОЙ
С ЧУЖИМ ЛИЦОМ

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Свой с чужим лицом

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Свой с чужим лицом / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-120922-3

Декабрь 1941 года. Красная Армия отбросила немцев от Москвы. Но упорные бои продолжаются по всему фронту. Группе разведчиков лейтенанта Глеба Шубина приказано уничтожить штаб германской разведки. Однако нескольким офицерам абвера все же удастся спастись. Среди них – бывший советский полковник Амосов, добровольно сдавшийся в плен фашистам, за которым давно охотится наша контрразведка. Спустя некоторое время Шубин оказывается в партизанском отряде, в распоряжение которого незадолго до этого вышли трое неизвестных. Опытный разведчик подозревает, что один из них – переодетый предатель Амосов. Остается только выяснить, кто именно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120922-3

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Александрович Тамоников

Свой с чужим лицом

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

В первых числах декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск под Москвой. Германская армия выдохлась, переходила к обороне. В войне на истощение солдаты вермахта оказались не сильны. Они впервые видели, чтобы противник бился до последнего солдата. Резервы у немцев исчерпались, а советское командование сохранило силы и постоянно восполняло потери. Блицкриг провалился, уничтожить Красную армию до зимы оказалось непосильной задачей. Германия втянулась в затяжную войну. Фюрер под давлением генералов подписал директиву о переходе к обороне по всей линии советско-германского фронта.

3 декабря 20-я и 1-я Ударная армии нанесли контрудары у Красной Поляны и начали теснить врага. 5 декабря перешли в наступление войска Калининского фронта. В тылу противника создалось угрожающее положение. Он упорно сопротивлялся, бросался в контратаки, однако командование 9-й немецкой армии отдало приказ об отходе из района Калинина. 16 декабря в город вступили советские войска. Правое крыло фронта вышло на рубеж Волги, охватило с запада и юго-запада город Ржев. 16-я и 20-я армии прорвали оборону на рубеже Истринского водохранилища, устремились на запад.

Самые тяжелые бои развернулись вокруг Клина. В ночь на 15 декабря части 30-й армии генерал-майора Лелюшенко выбили противника из города. 11 декабря двинулась вперед 5-я армия генерал-лейтенанта Говорова, отбросила немцев от Москвы-реки, заняла Локотню, освободила десятки населенных пунктов. На левом фланге шли соединения 29-й армии. Они не смогли прорвать оборону вражеских пехотных дивизий и все же 18 декабря вступили на территорию Волоколамского района. Оперативные группы генералов Катукова и Ремизова с тяжелыми боями подошли к городу и вечером 19 декабря устремились на штурм.

Удар был внезапный, немцы не рассчитывали, что все произойдет так быстро. Густели сумерки, когда пехота под прикрытием танков пошла в атаку. Артиллерийская подготовка не затянулась, но внесла сумятицу в действия врага. Походные колонны перестраивались в боевой порядок, шли в атаку.

Волоколамское шоссе было очищено, проблем с подвозом бойцов и боеприпасов не возникло. Воевать в темноте немцы не любили, но выбора у них не оставалось. Подступы к городу превратились в бушующий ад. Танки взломали оборону, устремились в прорыв. Часть пехоты перемещалась на броне, другие бежали по обочинам. Шинели и тонкие сапоги остались в прошлом. Бойцы были одеты в полушубки с белой оторочкой, светлые ушанки, валенки. Автоматы ПППШ в пехотных подразделениях стали нормой жизни. Морозы в конце декабря не отличались свирепостью, но все равно было холодно, дули промозглые ветра. Зима фактически только начиналась, а уже доставила всем немало хлопот.

Но на зиму в этот год советские люди не жаловались. Лучшего подспорья и не придумаешь.

Лейтенант Шубин, одетый в щеголеватый полушубок, стоял у капота тарахтящей полуторки, курил, исподлобья смотрел, как мимо спешат пехотинцы, слушал лязганье траков танков. Бронетехника под Москвой предстала в полном ассортименте. Сверхнадежные, наводящие ужас на врага «Т-34», старые танки «Т-26» и «БТ-7», не отличающиеся боевыми качествами, но успешно воюющие, танкетки «Т-27», переделанные в тягачи.

Ленд-лиз уже работал, осуществлялись поставки с запада. К декабрю СССР получил уже 750 английских танков «Матильда» и «Валентайн», которые использовались по прямому назначению. До четверти броневых машин в штурмовых колоннах были иностранные. Шли громадины непривычных очертаний с красными звездами на бортах, с маленькими башнями, широкими окнами в броневых листах, прикрывающих гусеницы. Танки «Валентайн» напоми-

нали немецкие – компактные башни, широкие колесные базы. На броне такого чудовища могло разместиться отделение пехоты.

Хозяйство Шубина перевозили три полуторки. Они прижались к обочине, в принципе не мешали движению. Но водители попутных машин выражали недовольство. Бойцы сержантов Пахомова и Левитина, сидящие в кузовах, в долгу не оставались, знали, что ответить.

– Опять разведка ничего не делает! – поддел их красноармеец, проходящий мимо.

– В этом они мастера! – заметил какой-то остряк, и колонна вздрогнула от хохота.

– Отвали, моя черешня! Вы сами еле тащитесь! – выкрикнул, свесившись с борта, один из братьев Ваниных и показал автоматчикам непристойный жест.

В принципе войска не тащились, колонны повзводно уходили с дороги, разворачивались в боевой порядок. Схватка шла в полутора километрах на западе. Окраины Волоколамска покрыли разрывы, вовсю работали батареи. Огненные сполохи плясали в темнеющем небе. Войска еще топтались у предместий, нащупывали слабые места обороны.

Бойцы взвода заметно нервничали. Застоялись они без настоящего дела.

Нетерпеливо притоптывал у полуторки Алексей Карабаш, ревниво поглядывал на пехоту, оседлавшую броню.

– Облепили, как мухи понятно что, – выдал светловолосый Асташкин, высываясь из кабины. – Спешат, можно подумать, не успеют.

Шубин и сам не находил себе места. Состояние привычное. Порой устанешь до крайности, ноги еле тащат, мечтаешь о минуте покоя, а полноценный восьмичасовой сон, так это вообще из области фантастики. Когда же настает покой, приходит нервный зуд, начинаешь беспокоиться. Это вполне объяснимо. Ведь такие дела мимо тебя проходят!

Две недели прошло с того дня, как они вернулись из рейда в Булатово. За спасение Насти Томилиной разведчики заплатили несколькими жизнями, и это до сих пор ее мучило. Тарам в селе, столкновение с немецкими, извините, коллегами в заброшенном Свято-Успенском монастыре, мелкие чудеса с участием тамошнего батюшки отца Кирилла. Все это ярко стояло перед глазами лейтенанта.

Умирали люди вокруг него, войска несли тяжелые потери. Из погибших ребят, воевавших под началом Шубина, уже можно было сформировать роту. Их лица отпечатались в памяти, жгли ее как раскаленное железо.

Полк, в котором он служил, понес такие потери, что был расформирован. Боеспособные кадры переводились в другие соединения. Вместе с ним и Настей от взвода уцелели четверо, отделались царапинами.

Все они попали в сводную оперативно-тактическую группу генерала Катуква. Это соединение состояло из танковой бригады и стрелковой дивизии, использовалось в качестве тарана на западном направлении.

За неделю боев полк, в котором теперь служили разведчики, поредел до пары батальонов. Погиб комполка Рябинин. Выбило почти всех командиров, особенно нижнего звена.

– Наслышан о твоих подвигах, будешь отвечать за разведку в моем полку, – сказал лейтенанту майор Суслов, временно исполняющий обязанности комполка. – Сформируешь взвод, наберешь себе толковых людей, если выживешь. Но пока не до этого, действуй с теми, кто есть. Бери взвод погибшего Московченко. В нем тридцать штыков, и ребята славные, не последние неумехи. Когда пойдем на Волоколамск, будешь у меня в резерве.

К западу от столицы разверзся огненный ад. Немцы сопротивлялись так, словно за спиной у них находился Берлин, пятились, хватались за каждый клочок земли. Погиб Гулыгин от шальной мины. Она взорвалась у бойца за спиной, оторвала ноги. Погиб Саня Левашов. Немцы предприняли контратаку, прорвались через перелески на мотоциклах. Саня, с ним еще трое отстреливались из березняка, задержали колонну. Левашов лег последним, подорвав мотоцикл.

Настю Томилину с этого дня Шубин оберегал, держал при себе, удивлял командиров и солдат, но в пекло не пускал. Когда она выходила из-под контроля, он устраивал ей суровые сцены. Девушка замкнулась в себе, утратила образ той бой-бабы, которой была пару месяцев назад. Он до сих пор не мог разобраться в своих чувствах. Настя прикипела к лейтенанту, а он по-прежнему держал ее на дистанции.

От Лиды Разиной, засидевшейся в партизанах у полковника Моисеевского, не было вестей. Отряд воевал в вяземских болотах, сведений о его разгроме не поступало. Но и к своим он не вырвался.

– Не пойму я твоих отношений к этой Томилиной, лейтенант, – проворчал майор Суслов. – Баба сохнет по тебе, а ты... неуверенный какой-то. Она что же, и впрямь такая способная разведчица, как ты расписал? Если хочешь, пристрою ее в штаб дивизии, пусть бумажки в канцелярии перекладывает. Станный ты, лейтенант, прямо как собака на сене. Сам не ешь и другим не даешь.

Война захлестнула его, вытеснила из головы все странные мысли.

В штабе не возражали насчет перевода товарища Томилиной в действующую армию. Женщины мобилизации не подлежали. У нее всегда была возможность вернуться к мирной жизни. После гибели Гулыгина и Левашова эта тема для Насти стала табу. В данный момент девушка находилась при штабе в безымянной деревушке Волоколамского района, и Глеб вздохнул свободно.

Части сводной группы вгрызались в город, а его люди бездействовали.

Лейтенант нервничал, блуждал вдоль обочины. Легкий морозец пощипывал кожу.

Карабаш махнул рукой и полез в кабину. Парень посидел за две недели, боялся смотреть на себя в зеркало. Асташкин успокаивал товарища. Дескать, не бери в голову, Леха, седина украшает мужчину. Это те же шрамы. Девки любить будут. Я тоже весь седой, только не знаю об этом, потому что волосы светлые.

По дороге прогрохотали тяжелые танки «КВ», оставив после себя тяжелую вонь.

– Ну, все, фрицы, капут вам в натуральную величину! – со смехом проговорил какой-то красноармеец.

– Товарищ лейтенант, долго еще стоять? – покричал сержант Пахомов, ладно сбитый плечистый малый.

– А я тебе горсправка? – огрызнулся Глеб. – Сколько надо, столько и простои. А мы почему такие лучезарные? – Он покосился на братьев-близнецов Ваниных, свесившихся с грузовика уральских сталеваров, пришедших на войну прямо из мартеновского цеха.

Оба веселые, ушастые, сделанные под копирку, такие одинаковые, словно в глазах двоится.

Неделю назад произошел конфуз. Шубин только прибыл, успел лишь переговорить с Сусловым, как последовал приказ в темпе занять деревню Лебядино, оставленную противником, и выставить на западной околице пулеметный расчет. Немцы ушли из нее полчаса назад, а может, только притворились.

С бойцами лейтенант толком не познакомился, даже в лица не заглянул. Они бежали через заснеженное поле всей ватагой, спешили проскочить открытый участок до рассвета, пока у немцев куриная слепота не развеялась, ворвались в деревню, растеклись по ней.

Там не все было просто. На чердаке мастерских засел пулеметчик, однако красноармейцы вовремя его срисовали. Все это явственно напоминало засаду. Но Шубин грамотно расположил людей и смог избежать потерь. Еще одного пулеметчика они засекли у управы, обошли и сняли.

У мастерских же пришлось поползать. Пулеметчик строчил, крошил гнилые бочки. Бойцы отвлекли внимание врага. Шубин побежал к крыльцу, чтобы подорвать гранатой эту отчаянную голову.

Его опередил красноармеец, оскалился в лицо. Дескать, просим пардона, товарищ лейтенант, но тут уж мы сами управимся. Ваше дело – командовать. Он оттер офицера плечом, проник в здание. Шубин отступил, спрятался за горку ржавого железа.

Боец не тянул резину, использовал гранату, разнес чердак. Пулеметчик картинно вывалился из разбитого окна.

Сзади кто-то хихикнул. Дескать, Гришка мастер по этой части, он вообще по металлу молодец.

Шубин обернулся, похолодел, словно привидение увидел, машинально отпрянул, чуть не перекрестился. Ему до сих пор стыдно было за свою реакцию. Рядом с ним лежал тот самый боец, так же скалился, подмигивал, будто по волшебству перенесся с чердака. Но это невозможно. Хутор Диканька вообще не здесь! Шубин по-настоящему испугался, про войну забыл.

– Привычное дело, все так реагируют, – заявил красноармеец. – Вы не бойтесь, товарищ лейтенант, голову вам проверять не надо. Это Гришка там, брательник мой. А я Федор. Мамка нас такими родила. Вместе обычно все делаем, а тут споткнулся я, а пока вставал, Гришка умотал. А вон и он. Смотрите, на крыльцо вышел, довольный такой. Сейчас я ему вставлю, чтобы от семьи не отрывался.

Позднее на построении Глеб недоуменно всматривался в их лица, а бойцы посмеивались. Мол, бесполезно, товарищ лейтенант, не найдете ни одного отличия. Они из-под одного штамповочного прессы вышли.

– Как я различать вас должен, бойцы? – с улыбкой осведомился Шубин.

– Не стоит этого делать, товарищ лейтенант, – заявил один из братьев. – Мы вместе все делаем, начальство уже привыкло. Воюем, балагурим, а час придет, так и порем вдвоем.

– Товарищ лейтенант, это, кажется, по нашу душу, – сказал вдруг красноармеец Иванчин, жилистый, подтянутый, с крупной головой и неприлично курносый.

Третья папироса осталась не прикуренной. По обочине катил мотоциклист в светлом полушубке. Он что-то кричал водителю полуторки, следующей параллельным курсом, махал рукой. Шофер сообразил. Секунду назад он не видел эту мелочь, еще немного, и сбросил бы в кювет. Полуторка сдала влево.

Мотоциклист подъехал, резко затормозил, спешился, небрежно козырнул.

– Товарищ Шубин? Старший сержант Уранцев, посыльный из штаба. Хорошо, что вы в город не пошли, а то искал бы полночи. Вас майор Суслов вызывает. Это срочно. У него майор из дивизионной разведки, уж больно нервный, нетерпеливый.

– Понятно, – сказал Глеб. – Куда бежать, Уранцев? Где сейчас комполка?

– Не надо бежать, довезу, садитесь. Если не боитесь, конечно, против течения да сломя голову.

Лихой пилот стряхнул его с мотоциклета на окраине крохотного населенного пункта. Гремящее шоссе осталось в стороне. Деревня носила название Романовка и была полностью завалена снегом. Впрочем, узкие дорожки красноармейцы уже прочистили.

Шубин засеменил к крайней избе. Рядом с ней стояли вездеходы и бронеавтомобиль БА на базе «эмки». У машин курили бойцы, очевидно, из резерва комполка. Часовой равнодушно покосился на лейтенанта, пролетевшего мимо. Он его уже знал.

Шубин миновал узкие сени, рискуя получить по лбу опасенными граблями, обстучал снег с валенок, ударил в дверь и поволок ее на себя. В уши его ворвался треск телефони, писк радиостанций.

– Разрешите? Товарищ майор, лейтенант Шубин по вашему приказанию...

– Давай без церемоний, быстро заходи, – заявил майор Суслов, невысокий, округлый, какой-то глянцевоый, но вместе с тем нормальный командир, не боящийся принимать смелые решения. – Радуйся, Шубин, тому, что мы такие терпеливые.

– Так я вроде пулей, товарищ майор.

– Быстрее видали пули, лейтенант, – отрезал хмурый, ладно скроенный офицер с угловатой челюстью. – Все, проходи, давай к карте. Я майор Измайлов Федор Иванович, заместитель начальника дивизионной разведки. В Волоколамске доводилось бывать?

– Никак нет, товарищ майор.

– Хреново, лейтенант, очень даже. – Майор досадливо хрустнул пальцами. – А из бойцов у тебя местные есть?

– Вроде есть, товарищ майор. – Шубин наморщил лоб. – Слышал разговоры. Кто-то, кажется, родом из этого города.

– Вот так и воюем, черт возьми. Вроде, кажется! – Майор глухо ругнулся. – Ладно, получай приказ и выполняй или пеняй на себя. Да расслабься ты, лейтенант. – Майор Измайлов слегка подобрел. – Физиономия у тебя уж больно каменная, пушкой не пробьешь. Не злись, нервы у всех на пределе. Смотри, это город. – Измайлов обвел обмылком карандаша кусок карты, разложенной на столе. – Мы топчемся у предместий, несем потери. Идем вот по этой улице и по этой. Пытались обойти город с юга, но нарвались на станковые пулеметы и батарею полевых орудий. Пришлось вернуться. Будем брать в лоб, другого выхода нет. Ночку проводимся и утро. Надеюсь, к полудню город будет наш. Твоя задача – добраться вот до этой точки. Улица Первомайская, дом тридцать четыре. Это за центром, ближе к западной окраине. В здании до войны размещался клуб шарикоподшипникового завода. Этакий купеческий особнячок о двух этажах. В нем кино крутили, детские кружки работали. При немцах в здании располагался отдел военной разведки. Абвер, слышал о таком? Ладно, извини, ты же грамотный. Вникать во все нюансы тебе не требуется. Люди есть?

– Тридцать человек, товарищ майор, плюс три полуторки. Правда, бензина маловато.

– Ничего, на пять кварталов хватит. Три машины, это хорошо. Три десятка штыков – еще лучше. Роскошествуешь, лейтенант. У нас не в каждой роте столько наберется. Прояви смекалку, решительность, сам знаешь, как себя вести в сложных ситуациях. Ты должен пробиться через центр города и выйти в заданный квадрат. Силы немцев сосредоточены на восточной окраине. Постреляют по тебе, потерпишь. Смотри, тяжелые бои идут вот на этих участках. – Снова заскрипел обмусоленный химический карандаш. – Ты можешь проникнуть в город в районе турбинного завода. Там развалины, и наши танкисты отказались осваивать данную местность. Но на полуторках проскочишь. Дальше переулками, подворотнями, боковыми улочками. В общем, сам решай, разрешаю действовать по своему усмотрению. Стремительный бросок, чтобы немцы не опомнились, понимаешь? Ползти и перебегать – нет времени. Потери будут, но главное – сохранить костяк отряда. За своей головой следи. Бойцы без командира не справятся. Твоя задача – окружить этот дом и больше никуда не лезть. Никаких обстрелов, штурмов и тому подобного. Пойдут на прорыв – загоняй обратно, но стрелять на убой можно только по мелким чинам. Тех, кто выше, разрешаю зацепить, но чтобы без тяжелых ранений. Вести огонь исключительно для острстки, улавливаешь? Ты уже догадался, что нам нужен кое-кто из людей, находящихся в этом здании.

– Я понял задачу, товарищ майор. – Глеб не менялся в лице, но спина у него похолодела. – Вопрос разрешите? Вам нужен кто-то из руководства данного отделения абвера. Один или несколько, возможно, кто-то еще – не мое дело. Но с чего вы решили, что они сидят и ждут нас? Ведь дорога на запад не закрыта?

– Не задавай болезненных вопросов, лейтенант. – Измайлов поморщился. – Отсюда и спешка. Не исключая, что отдел уже эвакуировался. Тогда к тебе никаких претензий. Но по данным нашей разведки и членов подполья, еще днем эти люди находились на месте. Эвакуировать целый отдел не так-то просто. Горы бумаг, транспорт и тому подобное. Немцы не ожидали, что мы так быстро выйдем к Волоколамску, надеялись, что обойдется. Не привыкли они отступать, были уверены, что останутся в городе, удержат его. До сих пор, наверное, так и думают.

Слышишь, как стреляют? Но мы же прекрасно знаем, что город падет. Так что поспеши. Времени нет. Найди способ пробраться в город, заблокируй здание. Начнут фрицы сдаваться в плен – принимай. А мы придем к обеду и разберемся. Уверен, на вас там сильно давить не будут. У немцев по другому поводу голова болит. Возьми пару ручных пулеметов, побольше боеприпасов и выполняй задачу.

Глава 2

Все то, что сказал сейчас Измайлов, отчетливо смахивало на самоубийство. Но о смерти Глеб не думал. Нервозность майора передалась лейтенанту. Видимо, важные лица находились в том клубе. Не будет дивизионная разведка заниматься пустяками.

Уранцев летел как на крыльях, проделывал сложные трюки, не раз имел прекрасную возможность оказаться в кювете.

Бойцы дожидались командира, разбились на кучки, курили. Водители прогревали двигатели. Над восточными предместьями поднималось зарево. Наша артиллерия молчала. Очевидно, это немцы жгли город.

– Сержанты, ко мне! – скомандовал Глеб, спрыгивая на землю.

Уранцев ждать не стал, развернулся и быстро укатил.

К взводному подбежали Пахомов и Левитин. Второй был стройнее и выше товарища, имел незаконченное высшее образование, что несмываемой печатью въелось в его лицо.

– Архиважный вопрос, товарищи сержанты. Есть среди ваших ребят уроженцы Волоколамска? Нужен человек, знающий город.

– Так я сам уроженец Волоколамска, товарищ лейтенант, – сказал Пахомов. – Школу здесь окончил, жили с мамкой и батькой на улице Тульской, что на восточной окраине. Потом, правда, сменил место проживания, окончил ФЗУ, три года работал на заводе в Подольске, в армии отслужил.

– Что же ты молчал, сержант? – заявил Глеб.

На подобное везение он даже не рассчитывал. Но всякое бывает.

– Не молчу я, товарищ лейтенант, – с обидой произнес Пахомов. – Говорю как есть. Лейтенант ставил задачу рублеными фразами.

Сержант выслушал его, озадаченно почесал затылок, облизнул пересохшие губы и проговорил:

– Через турбинный завод, стало быть? Да, это самый очевидный путь. Его развалины даже отсюда видны, там бои не идут, танки не проедут. Можно попробовать. Я эту местность хорошо знаю, вернее, знал. Там вряд ли что могло измениться. Небольшая промышленная зона, улица Коммунаров, затем еще парочка. Клуб завода шарикоподшипников как бы особняком стоит. Там маленький сквер, деревья.

– Ну, все, сержант, в твоих руках наши жизни и вся ответственность. Ломай голову, веди нас, Сусанин. По машинам, бойцы! Рассредоточиться равномерно, держать наготове пулеметы, под пули не лезть! Левитин, в замыкающую машину, я буду во второй! Дистанция между грузовиками – тридцать метров! Помолились на ночь? – пошутил он.

Без суеты не обошлось.

– По коням! – заорал сержант. – Всем лежать, над бортами не парить!

Суегились автоматчики, лезли в машины, вили гнезда в кузовах.

До окраин турбинного завода колонна добралась без происшествий. Городские предместья затянул смрадный дым, поэтому водителям пришлось сбросить скорость. Справа и слева – на улицах Промышленной и Трикотажной – шел бой. Противник сопротивлялся, медленно отходил. Немцы ожидали подкреплений, до последнего верили в победу. Но, согласно донесениям армейской разведки, резервы у фашистов отсутствовали.

Справа, на Трикотажной, положение было лучше. Красноармейцы углубились на пару кварталов, подтянули пулеметы и пресекли попытку неприятеля перейти в контратаку. Командиры копили силы для очередного рывка.

Слева, на Промышленной улице, что-то шло не так, войска топтались на месте. Чадили подбитые танки. Немцы стреляли из полевых орудий, сопротивлялись с невиданным упорством.

Невзрачные избы частного сектора облепили гребни оврагов. Через лощины, заваленные мусором и снегом, были перекинuty чохлые мостки. Танковые колонны здесь встали бы. Грузовики ползли по мосткам, скрипели хлипкие конструкции. Пехотинцы спешили, шли за машинами. Грузовики взобрались на косогор, встали, автоматчики забрались в кузова.

Им крупно повезло. Данный участок пулеметы не прикрывали. Все свои силы немцы бросили в бой.

Колонна погрузилась в низину. Водители на свой страх и риск выключили фары. Нельзя было привлекать внимание.

На улице Промышленной рвались снаряды. Что происходило справа, понять было трудно, но и там, похоже, все смешалось. В окрестностях турбинного завода не было ни одной живой души. Вздymались покалеченные стены, громоздился мусор. Грузовики петляли между кучами битого кирпича. Напряжение росло.

Шубин стиснул рукоятку автомата, вглядывался в лобовое стекло. Толик Иванчин, закусив губу, вертел баранку, жирный пот стекал по его лбу. Обычно не скупой на комментарии и присказки, сегодня он помалкивал.

Турбинный завод был разнесен вдребезги еще в октябре. Здесь пытался закрепиться наш отступающий батальон и подвергся артобстрелу. Тела убитых красноармейцев собирали местные жители под присмотром немецкой охраны. Ни к чему был оккупантам под боком такой рассадник заразы.

Головная машина внезапно остановилась. Глеб напрягся. Но вроде все нормально. Какая-то преграда на дороге. С кузова прыгнули несколько человек, побежали растаскивать завал. Приподнялся пулеметчик с «дегтярем», зорко озирался.

Вылез на подножку водитель головной машины красноармеец Каратаев, плотно сложенный, рассудительный, далеко не юный, тоже стал оглядываться. Сержант Пахомов нервничал, энергично жестикулировал. Мол, быстрее!

Бойцы натужились, оттащили огрызок бетонной плиты, бросились обратно в машину.

Застыл в тридцати метрах грузовик, замыкающий колонну. В кузове шевелились размытые силуэты.

Водители снова объезжали препятствия. Мимо проплывали изувеченные стены заводских корпусов, разбитый башенный кран, похожий на скелет динозавра. Зияли провалы в кирпичных стенах. Валялся раскрошенный стенд с портретами передовиков производства.

Пахомов неплохо ориентировался на местности. Остановок больше не было. Сугробы здесь не скапливались, снег выдувался.

Машины миновали покалеченную заводскую ограду, несколько раз сворачивали. Мелькали низкие барачные строения. Грохот боя то отдалялся, то нарастал, вызывая у водителей резонное желание утопить педаль.

Пролаяла пулеметная очередь. Она явно была не шальная! Справа ухнул разрыв мины. Из кузова выпал боец, пораженный осколками. Ранение было смертельным. Парню порвало артерию, и кровь хлестала как из ведра. Он скреб ногтями заснеженную грязь, дрожал в конвульсиях.

Ругнулся Пахомов. Жив еще сержант. Без него сегодня как без рук.

Противник обнаружил три полуторки у себя в тылу. Среди мгlistых строений забежали люди. Снова ударил пулемет, сеял смуту и смерть. Взыл боец в головной машине.

Шубин высунулся из кабины, кричал, чтобы не останавливались. Парню на дороге уже не поможешь. Иванчин вертел руль, объезжая мертвое тело. Не мог он ехать по своему товарищу!

– Не вставать! Шпагин, ты чего плетешься как раздавленный? Догоняй наших! – прокричал Левитин в замыкающей полуторке.

Пулеметчик не унимался. Пули барабанили по кабине, ломали кузовные доски. Плышался вскрик, кто-то повалился на грязный пол.

– Товарищ лейтенант, Павлюченко убит! – услышал Глеб и подумал:

«Хорошо будет, если хоть кто-то доедет!»

Треснуло боковое стекло. Пуля прошла по диагонали, пробила потолок кабины.

– Лотерея, товарищ лейтенант! – нервно проговорил Иванчин. – Может, убьет, может, пощадит.

– Баранку крути, – процедил Глеб. – Думай о том, чтобы доехать. Когда о смерти вспоминаешь, она уже тут как тут.

– Точно, товарищ лейтенант. Некогда нам умирать. Столько дел еще впереди...

Поднялся пулеметчик в кузове, открыл огонь и попал. Ответных выстрелов не последовало.

– Молодец, Ломакин! – крикнул Шубин.

– Это не Ломакин, а Косаренко, товарищ лейтенант! – отозвался боец из кузова. – Ломакин, кажется, того... убили его, в общем.

Вскоре колонна вышла из опасной зоны, прогремела по мосту через речушку. Память Пахомова не подводила. Головная машина свернула в узкий переулок, остальные двинулись за ней. Тянулся каменный забор, глухие стены. В переулке громоздились сугробы. Тонули колеса, машины буксовали, с ревом одолевали снежную массу.

– Товарищ лейтенант! – проорал Пахомов. – Сейчас мы выедем на улицу Чкалова, свернем влево. Я не знаю, есть ли там немцы. Если есть, то проезжаем двести метров и опять уходим влево, в Столярный переулок. Если нет, дуем прямо.

– Понял, сержант. Давай по газам!

Поездка превращалась в какую-то спортивную гонку. Улица Чкалова была расчищена от снега, но немцев на ней не наблюдалось. Машины уходили влево, разгонялись. Улица была застроена старыми трехэтажными домами с облупленной краской. Колонна неслась на полной скорости. Дистанцию водители уже не соблюдали, им было не до нее.

Где-то справа был центр города. Там все еще хозяйничал противник.

До поворота осталось метров двести, когда из переулка выбрался взвод немецкой пехоты и двинулся навстречу полуторкам. Солдаты вермахта тащили на себе оружие, снаряжение, ящики с патронами. Наверное, в бой направлялись последние резервы.

Встреча на Чкалова стала неожиданностью для обеих сторон. Немцы поздно разобрались, кто перед ними. Потом посыпались тревожные выкрики.

Каратаев резко затормозил. Иванчину пришлось проделать то же самое, чтобы не смять ему зад. Пассажиры в обеих машинах покатались к переднему борту, крепкая ругань взмыла до неба.

– Пахомов, не останавливаться! – взревел Шубин. – Всем приготовиться!

Он мог бы и не орать. Бойцы подались на левый борт, приготовились к бою. Немецкая колонна встала, солдаты смешали строй. Их командир надрывал глотку, но сам еще не разобрался в ситуации. Ночь выдалась темной, а по силуэтам машин не всегда поймешь, кто перед тобой.

Бойцы Пахомова открыли беглый огонь из всех стволов. Фрицы бросились врассыпную. Несколько тел остались на дороге. Пулеметчик скинул с плеча МГ-34, но не успел им воспользоваться, повалился.

Голосил в кабине сержант Пахомов, крыл замешкавшегося Каратаева. Водитель опомнился, схватился за переключения передач. Полуторка, трясая бортами, сорвалась с места, про-

таранила нескольких фашистов. Остальные пришли в чувство, но попали под огонь из второй машины.

– Иванчин, гони, не останавливайся! – выкрикнул Шубин, прилаживая автомат к открытому окну.

Немцы метались по дороге, падали под проливным огнем. Офицер выбежал на середину проезжей части, палил вслед грузовику из пистолета. Когда он обернулся, убежать уже было поздно. На него летела машина. Страх заблестел в глазах этого типа, его пасть оскалилась.

Удар был чувствительный. Иванчин треснулся грудью о баранку, ахнул от яркой боли. Шубин чуть не выбил головой лобовое стекло, едва успел перехватить падающий автомат. Офицер отлетел на несколько метров. Он еще шевелился, когда по нему проехала советская полуторка.

Несколько немцев добежали до тротуара, где и попали под кинжальный огонь.

Полуторки мчались дальше, но до поворота не доехали. Прямо по курсу опять поднялась стрельба.

Пахомов, наверное, что-то придумал. Головная машина вдруг резко ушла влево, стала втискиваться в узкий переулок. Иванчин дал по тормозам, пристроился в хвост. Он что-то бормотал, нетерпеливо колотил кулаком по баранке. Шубин бил из окна экономными очередями. Стреляли все красноармейцы, которые находились в кузове. Они припали к правому борту и изводили боезапас. Машина вошла в переулок, бойцы отвалились от бортов, попадали на пол.

– Сержант Пахомов в обход нас повел, – заключил, отдышавшись, Иванчин. – Прямо немцы не пускают, так мы теперь огородами будем ездить. Почему бы нет, товарищ лейтенант? Попытка не пытка. В лоб фрицы пройти не дадут.

Третья машина ворвалась в переулок. Красноармейцы продолжали стрелять с бортов. Очевидно, немцы кинулись на перехват. Однако их попытка атаковать колонну была вялой и безуспешной. Кто-то из кузова бросил гранату, и все кончилось.

Полуторки прошли двести метров по узкой дороге и как будто попали в другой мир. Здесь было глухо как в танке, вокруг машин простиралось безлюдное пространство. В этой части города немцев не было. Мирные жители тоже не подавали признаков жизни. Дома преимущественно одноэтажные, заваленные снегом по самые крыши. Западный район города напоминал большую деревню.

Пахомов угадал, объезд был безопасный. Машины бодро прыгали по ухабам, сохраняя дистанцию.

Метров через восемьсот дорога повернула вправо. Впереди возник забор промышленного предприятия. Подрастала высота зданий.

Справа появился большой пустырь. Сердце лейтенанта сжалось. Немецкие власти проводили здесь показательные казни. Помост был сбит основательно, на долгие годы. Он тянулся в длину на тридцать метров. На перекладине висели люди, не меньше дюжины, в том числе несколько женщин, причем давно. Тела основательно присыпал снег, облепил картонные таблички на них. Вот что здесь творили оккупанты в течение двух месяцев. Они не ожидали, что будут вышвырнуты из города так быстро.

Ночь была в разгаре, когда колонна въехала на улицу Первомайскую. Наступление советских войск развивалось ни шатко ни валко. С восточных окраин они противника уже выдавили, подступали к центру.

Из переулка машины выехали осторожно, простояли несколько минут, пропуская вражескую колонну.

Глеб нетерпеливо посматривал на часы. Вся их отчаянная работа могла угодить коту под хвост, если отдел абвера был заранее эвакуирован. С чего майор Измайлов решил, что этого еще не произошло?

Мимо тащились грузовые «Опели» с красными крестами на бортах, шли уставшие пехотинцы. Многие были перевязаны, но передвигались самостоятельно.

Колонна прошла, стало тихо. Пахомов дал отмашку. Полуторки пересекли дорогу и через несколько минут въехали в небольшой сквер, окруженный облупленными строениями. Пути отхода немецких подразделений остались в стороне.

Звуки боя на востоке стихли. Похоже было на то, что Красная армия брала передышку. Это было не очень приятно. Меньше всего лейтенанту хотелось куковать в тылу врага.

Купеческий дом выглядел целым и даже нарядным. Возле него покрикивали немцы, работали вхолостую автомобильные моторы.

Времени на разведку не оставалось. Машины въехали в парк, раздавив пару кустарников. – К машинам! – вполголоса скомандовал Шубин.

Построение было символическим. Требовалось всего лишь пересчитать выживших по головам. Они потеряли четверых. Сержантский состав уцелел. Ранен был только один боец. Пуля срезала кожу с плеча красноармейца Козулина. Парень глухо выражался по этому поводу.

Отделение абвера эвакуировалось. Видимо, немцы сообразили, что город не удержать. У крыльца симпатичного двухэтажного особняка стоял грузовик с работающим двигателем. Солдаты в длинных шинелях по цепочке передавали в кузов коробки. На крыльце мялись двое в офицерской форме, обменивались резкими фразами. Недалеко от «Опеля» стоял легковой «Фольксваген» с усиленной передней рамой и мощными колесами. Пухлый водитель с короткими ногами ковырялся в капоте, что-то отлаживал. Неисправность была не фатальная, мотор работал. Ноги водителя фактически болтались в воздухе.

Атака была внезапной. Двадцать шесть красноармейцев свалились на врага как снег на голову. Убивать офицеров Шубин строго-настрого запретил, позволил только ранить, если очень захочется. Водитель застрял в капоте «Фольксвагена». Его ноги безжизненно свесились.

Солдаты побросали коробки, схватились за оружие. Красноармейцы расстреляли их в упор, положили всех четверых. Последнее тело катилось с крыльца как полено.

Заметались перепуганные офицеры. Один выхватил из кобуры пистолет, но товарищ схватил его за шкуру, швырнул внутрь здания, прыгнул туда сам. Разлетались стекла в окнах первого этажа. Захлопнулась входная дверь, пули молотили по ней, выбивали щепки.

– В офицеров не стрелять! – выкрикнул Шубин.

Он не раз уже предупреждал бойцов об этом, но повторение – мать учения.

Красноармейцы прекратили огонь, разбегались по пустырю.

– Отделение, в обход! Заблокировать окна и запасной выход! Пулеметы напротив крыльца и к двери черного хода! – приказал командир взвода.

Восемь человек пустились в обход здания и сразу же пресекли попытку немцев к бегству. Застрочил «дегтярь», зазвенели стекла. К западной стороне особняка примыкал дворик, опоясанный сплошным металлическим забором.

В ограде выделялись ворота. Они были заперты, что тут же проверил боец, подбежавший к ним. Со второго этажа простучала очередь. Он прижался к воротам, потом припустил к ближайшему кустарнику. Ноги у парня были длинные, пули его не догнали.

Красноармеец Шагалов перебежал через пустырь, неловко забросил автомат за спину, рванул застежку подсумка. Первая граната полетела под колеса «Фольксвагена». Машина подпрыгнула, окуталась смрадным дымом. Свалился с капота мертвый водитель, щекастый, с носом-пуговкой. Вторую гранату Шагалов закатил под грузовик. Машина осталась на колесах, но осколки повредили рессору, пробили днище кабины, на землю потекла бурая маслянистая жидкость. Шагалов злорадно засмеялся.

В окне нарисовался немецкий солдат. Он выбил стекло прикладом, вскинул карабин и произвел два выстрела. Пальнуть трижды он не сумел. Пуля попала ему в голову, отбросила в глубину помещения.

Шагалов как-то вздрогнул, руки его безжизненно повисли. Он рухнул на колени. Злорадная улыбка сползла с губ. Боец упал лицом в землю.

Взбешенные красноармейцы открыли огонь по зданию, разбивали уцелевшие стекла, крошили деревянные наличники. Превратился в решето металлический забор, опоясывающий дворик.

– Всем отойти! – прокричал Шубин. – Занять позиции. В здание не лезть!

Люди выполнили приказ.

Пробежал по пустырю замешкавшийся боец. Простучала очередь, и он покатился с простреленной ногой.

Шубин скрипнул зубами. Где набрать других, исключительно одаренных?

Автоматчик ударил по окну, заставил немца убраться. Подбежали два бойца, затащили товарища в кустарник. Он визжал от боли, потом захрипел, стал кашлять.

«И куда его теперь?» – с досадой подумал Шубин.

– Сержант, Агееву ногу насквозь прострелили! – выкрикнул кто-то. – Мы перевяжем, но куда его девать? В медсанбат бы парня!

– Ага, сейчас подъедут! – злобно выкрикнул Левитин. – Агеев, ты башкой когда-нибудь думал?

– Вот снесут ее фрицы, тогда и задумается! – заявил кто-то и нервно засмеялся.

С этой минуты на открытые участки красноармейцы не лезли, лежали за деревьями, готовились отражать вылазки фашистов. Никто не знал, сколько их теперь находится в здании. Шестерых положили, очевидно, осталось немного. Несколько рядовых и офицеров, которых приказано брать живьем.

К взводному подползли Асташкин и Карабаш, расположились неподалеку от него. После увлекательных походов в селе Булатово и в Свято-Успенском монастыре эти бойцы стали держаться вместе. От предыдущего состава взвода остались только они. Командир и Настя не в счет.

Справа мостились, устанавливая пулемет, Григорий и Федор Ванины, еще одни неразлучники.

К Шубину подполз сержант Пахомов.

– Товарищ лейтенант, Левитин и семеро с ним держат заднюю сторону здания. Хорошо, что там сквер, есть укрытия. Но что мы будем делать, если немцы пойдут? Я про тех, что в городе. Наши встали, а фрицы не дураки, скоро двинутся на выход. Уже, наверное, пошли, только мы об этом еще не знаем. Нас осталось двадцать две души. Это вместе со мной и Левитиным. Вы еще. Двадцать третья душа.

– Будут неприятности, станем противодействовать им, сержант, – заявил Глеб. – А пока не морочь мне голову, договорились? Немцы выходят из города другими дорогами. Вроде так получается. Какая улица подходит сюда с востока? Луначарского, да? Отправь на нее двух бойцов. Пусть сидят там тише воды, ниже травы. Услышат шум или увидят отходящих фрицев – сразу сюда. Будем реагировать.

– Понял, товарищ лейтенант, – сказал сержант и начал шустро откатываться.

Шубин лежал за деревом, курил, пряча бычок в широком рукаве полушубка.

На востоке постреливали, но наступление явно встало, наши ждали подкреплений. Ночь была в разгаре, но темнота как таковая отсутствовала. На небо выбралась луна, озарила землю бледным мерцанием. Снежный покров улучшал видимость. Свирепых морозов, как в начале декабря, уже не было, зима сбавила обороты. Но даже хорошо утепленные бойцы на голом

снегу испытывали неудобства, ворочались, кряхтели. Кто-то отполз подальше за деревья, растирал отмороженные конечности.

– Костер бы развести, – пробурчал какой-то мечтатель. – Ушицу на рогатинах подвесить, водочки, опять же, грамм по сто.

– А чего мелочиться? – проговорил его товарищ. – Давай по двести.

– Точно, – обрадовался боец. – Давай по двести. А как пройдет, опять нальем.

В особняке периодически кто-то кричал, оттуда доносился подозрительный шум.

– Машина сломана, герр гауптман! – разобрал Глеб слова какого-то невысокого чина. – Ее вчера во двор загнали, чтобы отремонтировать, но не хватает запчастей.

– Ремонтируйте, Шпигель! – распорядился офицер. – Сделайте все возможное!

Этот диалог насторожил Шубина.

«Значит, во дворе у сотрудников абвера имеется еще одна машина. Сломана – это хорошо, но новость не из приятных. Надо бы усилить центральное направление», – подумал он.

Первая попытка вырваться из здания была предпринята немцами в три часа ночи. Распахнулась входная дверь, с крыльца скатились несколько солдат. Даже в полумраке было видно, как бледность расплзалась по их лицам. Двое спрыгнули с крыльца, лавируя между телами ранее павших товарищей, дружно метнули гранаты. Пока они летели, одного сразила автоматная очередь, другой сам запнулся, покатился по утопанному снегу, надрывая глотку. Ему не повезло, он повредил ногу.

Гранаты взорвались с недолетом, но на то и делался расчет. Еще двое солдат вермахта пробежали дополнительные метров десять. Один из них успел швырнуть гранату. Вторая взорвалась под ногами у его напарника, после того как пуля попала ему в плечо.

Уцелевший солдат пустился наутек, перепрыгнул через мертвеца и залег за ним. Тело кромсали пули, солдат скорчился за ним, орал от страха. Но долг был выше каких-то человеческих проявлений. Он высунул ствол и вел огонь, пока озлобленные красноармейцы его не пристрелили.

В дверном проеме показались два офицера, оба тоже с автоматами, стали палить куда ни попадя. Один бездумно выпрыгнул на крыльцо, опустошал магазин, вытянув руки на всю длину, словно боялся, что автомат сейчас взорвется. Он был молод, носил погоны обер-лейтенанта.

Далеко этот вояка не ушел. Пуля перебила ему колено, он выронил автомат и сверзился с крыльца. Потемнел от крови снег рядом с его телом.

Красноармейцы растерялись, прекратили стрельбу. Приказ брать офицеров живыми никто не отменял. Раненый обер-лейтенант извивался под крыльцом, надрывал осипшее горло.

В проеме обозначились еще двое. Они стреляли, но на верную смерть не лезли, поняли, что попытка прорыва провалилась.

Красноармейцы на огонь не отвечали. Мол, пусть развлекаются.

Эти ребята с треском захлопнули дверь, и внутри особняка вспыхнула ругань. Обер-лейтенанта немцы решили не вытаскивать. В этом не было целесообразности.

Он ворочался под крыльцом, выл от боли, слабым голосом звал товарищей, но никто за ним не пришел. Офицер оперся на здоровое колено, извлек из кобуры пистолет, взвел курок и сунул ствол в рот.

Кто-то рядом с Шубиным удивленно присвистнул. Ничто не мешало этому немцу сдаться в плен. Что там наговорила нацистская пропаганда о зверствах русских? Не сказать, что офицера разведки ждали в плену почет и уважение, но коммунисты не стали бы рвать его на куски. Офицер колебался, тяжело дышал. Выбор был не прост, но он сделал его. Мертвая голова утонула в своих же мозгах.

Прошло не больше минуты, как попытка прорыва повторилась, теперь с обратной стороны купеческого дома. Приклад ударил в стекло, и под звон осколков разразилась бешеная

пальба. Пули взрывали снег, ломали ветки кустарника. Какой-то боец охнул и выронил автомат.

– Сержант, Козлова убили! – раздался крик.

Взбешенные бойцы открыли по окну ураганный огонь. Сомнительно было, что против них работали офицеры в высоких званиях.

В здании стонал раненый. Вскоре он замолчал, и несколько минут стояла тишина. Немцы, видимо, терялись в догадках, не могли понять, почему русские их не штурмуют. Они боятся, не верят в свои силы?

– Рус, сдавайся! – прозвучал картавый выкрик. – Вы будете уничтожен! Вам не победить великий Германия!

Ответом на это был дружный смех.

– Милый, ты ничего не попутал? – крикнул Каратаев, и веселье вспыхнуло с новой силой.

Снова все как-то неопределенно зависло. Бойцы недоумевали. Почему бы прямо сейчас не взять эту халупу штурмом? Потом можно будет загрузить пленных в машины и благополучно сделать отсюда ноги.

Шубин тоже так считал, но приказ был недвусмысленным. Окружить и ждать!

«Что ж, возможно, оно и к лучшему. Сколько еще людей погибнет при штурме? Третей бойцов я уже потерял», – подумал он.

Время тянулось раздавленной сороконожкой. Небо и не думало светлеть. Бойцы клевали носами. Если кто-то засыпал, то тут же получал дружеский тумак и начинал ругаться.

Попыток вырваться на волю немцы больше не предпринимали. Скорее всего, силы у них иссякли.

Шубин внимательно следил за зданием, ползал по тылам, проверял посты. Смутную тревогу ему внушали металлические ворота. За ними что-то скрежетало, лязгало железо.

Лейтенанта уколола неприятная мысль:

«В отделе разведки наверняка должна быть рация, даже не одна. Неужели эти немцы не связались с внешним миром, не сообщили о своем положении? Такого быть не могло. Они обязательно отстучали сигнал бедствия. Понятно, что помощь особо не разгонится, но может и прийти, особенно если маршрут отхода совпадет с улицей Луначарского».

Луну закрыли облака. Красиво падали снежные хлопья. Температура повысилась. Это было неплохо.

Ближе к пяти часам утра на востоке опять разгорелась стрельба. Работали пулеметы, с глухими разрывами падали мины. Все это превратилось в непрерывный фон.

Бойцы терпели холод. Состояние замерзания в эту зиму было нормой.

Шубин все чаще поглядывал на часы, боролся с приступами неожиданной паники. Людей у него становилось меньше. Возникало опасение, что в какой-то миг ситуация выйдет из-под контроля.

Справа кто-то завопил. Там зазвучали глухие голоса.

К Глебу подполз сержант Пахомов в шапке, сидящей набекрень. Глаза младшего командира беспокойно поблескивали.

– Товарищ лейтенант, я по вашему приказу тогда людей отправил на улицу Луначарского. Бердыш вернулся, Извозчиков на месте остался. Кажется, колонна сюда движется. Они лязг слышали, гул нарастал. Это же катастрофа, товарищ лейтенант. Если фрицы к скверу выйдут, то нам хана будет. Может, стоит отступить, укрыться в окрестных кварталах, пока всех не потеряли? Решайте, товарищ лейтенант.

– Живо, сержант, бери шестерых бойцов, братьев Ваниных с пулеметом, побольше гранат. Все остальные должны быть предельно внимательны. Бойцов распредели вдоль дороги, пусть спрячутся, подпустят колонну вплотную. Если мы перекроем им проезд, то они вперед

не сунутся, будут искать обходные пути. Быстро, сержант. Времени у нас нет. Иначе все накроется ржавым тазом.

Бойцы отползали через одного, выходили из сквера. Товарищи отдавали им гранаты, даже пара противотанковых нашлась. Красноармейцы, пригнувшись, бежали мимо наспех замаскированных полуторок.

Григорий Ванин тащил пулемет. Брат-близнец приплясывал вокруг него, мешался под ногами. Они привычно переругивались.

Глеб не выдержал, припустил за ними, пряча гранаты в карманы. Не мог он пустить столь важное дело на самотек!

Улица Луначарского шириной не отличалась. Одна полоса для движения в каждую сторону. Снежных заносов здесь было немного. Дороги немцы убирали. Сугробы громоздились вдоль дореволюционных двухэтажных зданий с претензиями на архитектурные изыски.

Красноармейцы ныряли за сугробы. Все они расположились справа, чтобы не попасть в своих. Холода бойцы не чувствовали, обливались потом.

Постовым не почудилось. Вражеская колонна действительно приближалась. Немцы выводили из города все, что имели. Их малочисленные арьергарды вели бои, сдерживали натиск Красной армии. Вся боевая техника осталась на полях сражений. По улице шли грузовики. Их было немного. Оборванные пехотинцы устало месили грязь, перемешанную со снегом. За «Опелями» катилась основательно продырявленная легковая машина.

Огонь красноармейцы открыли, когда колонна поравнялась с засадой. Немцы были такие уставшие, что даже сопротивляться толком не могли. Пулеметная очередь повалила несколько человек. Противотанковая граната взорвалась под колесами ведущего грузовика. Фашистов, сидящих в кабине, бойцы посекали свинцом. Выжившие солдаты вермахта попятились, побежали прочь, путаясь в полах длинных шинелей.

Повреждения в моторе были неустранимы. Грузовик встал, густой дым повалил из капота. Из кузова кто-то выпрыгнул, но только поднялся, как пули сбили его с ног. Бойцы перенесли огонь на остальные машины, щедро расточали свинец, бросали гранаты.

Взвилась над сугробом оскаленная физиономия Григория Ванина.

Он строчил из пулемета, орал с надрывом:

– С наступающим, господа! Подходите ближе, поздравлять будем! Подарков сегодня всем хватит!

Он вошел в раж и уже не понимал, что делает.

– Братишка, довольно! – выкрикнул Федор, схватил родственника за шиворот, повалил в снег, отобрал пулемет и стал прилаживать его к глыбе спрессованного снега.

Григорий болтал ногами, плевался снегом, костерил надоевшего братца.

Огонь красноармейцы не сбавляли.

Немцы убегали, отстреливаясь, ныряли за сугробы с обратной стороны дороги.

Головной грузовик красиво горел. Пламя жадно облизывало брезентовый навес, перекинулось на кузов. Машина перекрыла дорогу.

Под вопли старшего по званию водитель второй машины поддал газу, уперся в задний бампер горящего «Опеля», сделал попытку выдавить его на обочину. Но побороть такую махину он не мог, кашлял в дыму, расточал проклятья. Пули разнесли стекла, но в водителя не попали. Он сообразил, что подвергается сумасшедшему риску, закричал от страха, стал выбираться из кабины, но почему-то на ту сторону, откуда велся огонь, принял на грудь порцию свинца и повалился под колеса.

В кабину залетела вторая противотанковая граната, порвала ее как картонку. Теперь уже две машины перекрыли движение, что сделало проезд фактически невозможным.

Водитель легкового «Фольксвагена» судорожно сдавал назад, но уперся в бампер машины с красным крестом, по которой красноармейцы не стреляли. Из легковушки выско-

чили трое в фуражках, открыли беспорядочный огонь из пистолетов. У одного из них была забинтована голова, и движения он совершал неуверенно. Этот тип повалился сразу. Еще один – когда пытался спрятаться за санитарную машину. Третий перекатился через снежный вал и больше не появлялся.

Санитарная машина стала пятиться. Из кабины выпрыгнул мужчина в белом халате, замазанном кровью, кувыркнулся через снежную гору. Часть пехоты залегла за сугробами, вяло постреливала. В ту сторону полетели гранаты, рвали снег. Над снежным косогором мелькали каски, немецкие солдаты торопились убраться отсюда.

Гранаты все еще летели через горящие машины. Замешкался подтянутый ефрейтор. К сожалению, Глеб не знал его фамилию. Этот парень хотел увидеть результат своего броска. Пуля сбросила его с косогора. Он повалился в яму, неловко вывернул голову.

Шубин стрелял вдоль дороги. Автомат подрагивал в руках. Пулемет Дегтярева продолжал плевать смертью.

Немцы не выдержали. Их командиру не было резона терять своих последних людей.

За санитарной машиной следовали мотоциклисты, затем опять грузовики. Автомобили отходили задним ходом.

– Надо искать обходную дорогу. Здесь высадился русский десант, и проезда нет! Унтер-офицер Штрауб, прикрывайте отход нашей колонны! – услышал Глеб.

Два мотоцикла протиснулись между сугробами и грузовиками. Солдаты в колясках развернули пулеметы.

Красноармейцы упали в укрытия. Только Федор Ванин вроде ничего не видел, опустошал диск. Презрение к смерти у них, очевидно, было семейным. Или просто дурь такая, стремление покуражиться, покрасоваться. Теперь уже Григорий оттаскивал братца.

Федор брыкался, но опыт по этой части, очевидно, давно наработали оба. Григорий перехватил родственника за пояс, и они покатались под ограду.

Немецкие пулеметчики строчили густо, прикрывали отход своих сослуживцев. В пламени горящих машин было светло как днем. Люди лежали под снежными шапками, заслоняли головы ладонями.

Только красноармеец Карабаш полз по канаве вдоль дороги, вскоре выбрался из опасной зоны, поднялся, побежал вприпрыжку. Поравнявшись с мотоциклистами, он выдернул из подсумка гранату, полез на сугроб. Снег сыпался, Алексей съезжал обратно, но все же вскарабкался, приготовился к броску.

Водитель ближайшей машины уловил движение боковым зрением, но граната уже летела. Она упала между мотоциклами. Мощность взрыва была незначительная, но все цели находились рядом.

Осколки убили не всех. Но когда они разлетелись, Алексей поднялся и начал строчить из ППШ. Мотоциклисту зажалю ногу грудой металла. Он страдал недолго. Карабаш испустил облегченный вздох, съехал обратно по сугробу, соорудил мину библейского персонажа и застыл.

Поднялись все красноармейцы, которые находились на улице Луначарского, стали стрелять вдогонку отступающей колонне. Сыпалось стекло с разбитых фар, трещал металл. Отходящая немецкая пехота вяло отстреливалась.

– Ну что, наигрались? – прокричал Глеб. – Поздравляю, товарищи, мы критически малыми силами развернули назад целую тучу врагов! Так продержимся же до конца! Даю обещание. Каждый, кто выживет, перейдет на службу во взвод полковой разведки, сформированный мной. Служба будет адская, но почетная! Если, конечно, пожелаете, – добавил он. – Может, вам в пехоте больше нравится. Ведь это так здорово, дойти пешком до Берлина.

Последнее замечание было встречено дружным гоготом.

– Мы согласны, товарищ лейтенант, – сказал ухмыляющийся Косаренко, молодой, но уже лысоватый, с носом, украшенным горбинкой. – Вы нам только одно объясните. В вашем взводе мы до Берлина на гусях-лебедях долетим?

Смех был явно не к добру. Ночь еще не кончилась. До Берлина не один год киселя хлебать.

На востоке снова кипел бой. Фашисты упорно оборонялись. Но это уже не имело значения. Улица Луначарского была надежно перекрыта покалеченной техникой, и все же Шубин оставил на ней наблюдателей. Бойцы бегом возвращались в сквер, где за время их отсутствия не случилось ничего экстраординарного.

Сержант Левитин докладывал, что в здании осталось несколько человек, они ругаются. Видимо, столкнулись сторонники двух позиций. Сдаться в плен или продолжать борьбу? Сторонники второго образа действий там преобладали. Недавно из разбитых окон опять стреляли. Выбраться наружу попыток не было. Красноармейцы много чего про себя услышали. Впрочем, ничего нового немцы им не сказали. Русские свиньи, неотесанные варвары и тому подобное. Один и вовсе загнул на ломаном русском, мол, умереть за фюрера – это счастье и великая честь!

– Жаль, товарищ лейтенант, что мы не можем их сегодня осчастливить, – сказал сержант и сокрушенно вздохнул. – Как вы думаете, наши скоро подойдут? Надоело уже тут мерзнуть.

– Скоро, Левитин. До рассвета подойдут. Что им тут осталось?

Глава 3

Но все оказалось сложнее. Арьергардные части противника оказывали упорное сопротивление, но все же отходили. Для немцев это было в диковинку. Отступать под ударами советских войск в их привычку еще не вошло.

Уже светало, когда случилось чрезвычайное происшествие. Стальные ворота под витками колючей проволоки были качественно смазаны и распахнулись почти без скрипа. На волю вырвался грузовик с белыми крестами на бортах.

Красноармейцы оторопели. Что за фокус? Наверное, немцы втихушку починили эту машину, а стрельбой отвлекали внимание, чтобы заглушить посторонние шумы. Перехитрили!

Водитель резко вывернул баранку, чтобы не врезаться в кустарник. На борту висел человек без шинели в форме унтер-офицера. Видимо, это он раскрыл ворота, а потом ухватился за борт. Да, люди, загнанные в ловушку, действительно способны на многое. Унтер забросил ногу в кузов, перевалился в него.

Лейтенант вскочил, ноги сами понесли его вслед за машиной.

– Стрелять по колесам! – заорал сержант Пахомов, делая страшные глаза.

Навстречу машине выбежал красноармеец Вахно, на вид нескладный, но быстрый. Он вскинул автомат, строчил по колесам, видимо, увлекся, поздно осознал, что машина несется прямо на него, и все же успел метнуться в сторону. Вот только жаль, что водитель направил грузовик именно туда. Боец отлетел к деревьям. Его позвоночник переломился при ударе о ствол внушительного тополя.

Машина неслась через пустырь, стала юзом огибать сквер. В кабине сидели двое, оба пригнулись. Еще двое палили из кузова. Это были фельдфебель и унтер-офицер, в касках, но без верхней одежды. Водитель затормозил, вписываясь в поворот. Унтер-офицер не устоял, полетел к переднему борту, ударился головой о кабину, но каска спасла его. Второй присел, избежал падения.

Водитель свернул в переулочек. Бойцы бежали за машиной, вели огонь по колесам. В тот момент, когда грузовик вписался в узкий проезд, кто-то из них все-таки попал в цель. Заднее колесо порвалось в лохмотья. Машина перекосилась и встала, закрыла собой весь проулок.

– Пятерым остаться, смотреть за зданием! – прокричал на бегу Шубин.

Дюжина бойцов спешили к переулочку. В машине кричали люди, разлетелось лобовое стекло. Иным образом пассажиры не могли покинуть кабину. Катились по капоту тела, каркал старший офицер.

Унтер-офицер проделал под пулями что-то цирковое, перекатился через кабину и рухнул на капот, усыпанный стеклом. Он покатился дальше, спрыгнул на землю, израненный осколками.

В кузове остался фельдфебель. Видимо, ему приказано было прикрывать отход. Шансов он не имел, и этот факт ярко цвел на его перекошенной физиономии. Немец скорчился, вел огонь. Потом швырнул колотушку с удлиненной рукояткой.

– Берегись! – выкрикнул сержант Левитин.

Автоматчики кинулись врассыпную. Граната взорвалась метрах в пятнадцати от заднего борта. Осколки поразили двух бойцов, они катались по земле, истекая кровью. Остальные вскинули автоматы, открыли по кузову ураганный огонь.

Фельдфебель пустился наутек, но дальше кабины не убежал, сполз обратно в кузов.

Попасть в переулочек можно было только через эту проклятую машину. Она перекрыла весь проход. Первым к ней подбежал какой-то шустрый пехотинец, забросил автомат в кузов, перевалился через борт. Шубин пристроил автомат за спину и стал карабкаться наверх.

Шустрому парню не повезло. Унтер-офицер отступал последним, увидел ростовую мишень и не замедлил открыть огонь. Парнишка глупо подставился, ахнул, повис на борту.

Шубин был уже в машине. Ноги его разъезжались, глаза застилала какая-то липкая муть.

Унтер улепетывал как заяц, подбрасывая ноги, отчаянно использовал свой последний шанс. Свернуть ему было некуда. С двух сторон переулка возвышались длинные заборы. Они обрывались где-то далеко. Там тоже мелькали люди, те двое, которые покинули кабину.

Страх обуял лейтенанта.

«Что я наделал? Сто к одному, что сейчас ушли именно те немцы, на которых охотился майор Измайлов! За что погибли мои люди? Я допустил грубую ошибку!»

Глеб строчил из автомата, ухитряясь как-то целиться. Унтер споткнулся, проехал окровавленной физиономией по снегу и застыл.

Двое из кабины вдруг исчезли, свернули вправо.

В кузов лезли нетерпеливые бойцы. Кто-то не стал дожидаться своей очереди, полз под колесами.

Лейтенант не понял, как оказался на земле. Полушубок смягчил удар. Он бежал по топтанной дорожке, глотал морозный воздух. Призрак суровой ответственности уже витал над его душой.

Бойцы отстали от лейтенанта. Леха Карабаш что-то кричал, предостерегал командира от необдуманных поступков.

Забор оборвался через двести метров. Справа был проход. Глеб поскользнулся и рухнул со всего размаха. Пули прошли над его головой.

Противник ушел далеко. Силуэты колебались в утренней хмари. Двое убегали, один оборачивался, стрелял из пистолета.

«А второй вообще вооружен? Кто он такой, интересно?» – подумал Глеб, привстал на колено, ударил в воздух для острастки, потом поднялся и шатко побежал дальше.

В хвост ему пристроилась цепочка подчиненных.

Беглецы свернули влево. Лейтенанту вряд ли удалось сократить дистанцию до них. Когда он вывалился из проулка на широкую улицу, они опять сворачивали, теперь уже вправо.

Первый бежал, пригнув голову, не оборачивался. Невнятная личность, но точно мужчина. Закутан в бесформенную накидку, на голове капюшон. Не разгибаясь, он вбежал в проход между полуразрушенными зданиями.

Второй задержался на углу. Бледная физиономия плясала перед глазами Глеба. Этот человек был сравнительно высок, белокур, одет в офицерскую шинель. Скуластое лицо перекосил страх. Он стрелял из пистолета. Шубин вертелся как волчок. Но немец и так не попал бы, руки его тряслись. Он выбросил пустой пистолет и прыжками бросился за угол.

За спиной у командира взвода уже шумели бойцы. Шубин снова бежал, задыхался. Ноги его подкашивались.

Дальше все было как в тумане. Ночь измотала лейтенанта до упора и ознаменовалась крупным позором. Он катился по ледяной горке, отчаянно перебирал ногами и все же упал. Остальные съезжали следом.

– Братцы, да это же настоящий Новый год! – глупо пошутил Иванчин, выбираясь из груды тел.

Останься у противника хоть пара гранат, на всем мероприятии был бы поставлен жирный крест.

Справа тянулся забор, слева – тоже. Но в нем зияла огромная дыра, и к ней вели следы. За оградой простирался корпус разрушенного предприятия. Немцы за два месяца оккупации разрушили все промышленные объекты в городе.

Бойцы обгоняли командира, лезли на территорию завода. Беглецов и след простыл. Но они были где-то здесь, не могли далеко уйти.

«Как же мало осталось людей, – сокрушался Шубин, глядя на кучку подчиненных. – Неужели это все? Впрочем, нет, пятеро с сержантом Пахомовым остались у особняка».

– Парни, смотрите на снег, – прохрипел он. – Мы их вычислим по следам. Кроме них сюда никто не заходил. Окружить предприятие, чтобы ни одна крыса не выскочила! У них нет оружия, но все равно будьте осторожны.

Здесь находились восемь красноармейцев и сержант Левитин. Хорошо еще, что немцы не прибежали на шум. Ведь данный район все еще находился у них.

Следы вели к пустырю, там же и обрывались. Дальше громоздились плиты, вывернутые взрывами, обломки кирпичных стен.

«Когда они успели проскочить? Впрочем, жить захочешь, еще и не так побегаешь. Оба здоровые, устать не успели», – подумал Глеб.

Двое красноармейцев побежали в обход строений, остальные с оружием наперевес бродили по цехам, осматривали заброшенные помещения. Надежда еще не умерла. Шубин тоже ходил, всматривался, слушал. Кругом царил форменный хаос, оборудование валялось вперемешку с обломками, полы были вывернуты.

– Товарищ лейтенант, людей еще надо, – сказал сержант Левитин. – Так мы до второго пришествия блуждать будем. Вы уверены, что эту парочку надо найти? Ведь за всеми не уго니шься? Ну да, упустили двоих. Мы же не волшебники, черт возьми.

Шубин скрипел зубами. Сержанту, может, и ничего, а вот его за такую халатность могут и к стенке поставить.

– Искать, парни, следить, чтобы с территории предприятия никто не убежал, осматривать каждый квадратный метр, сужая круг поисков! – твердил Глеб, усмиряя злость.

Он лез на чердаки и в подвалы, светил фонарем, спускался в какие-то опасные темные пространства. Солдаты тоже не сидели без дела. Прошло не меньше часа, утро было в разгаре.

– Левитин, продолжайте поиски. Выслать людей за пределы предприятия, может, отыщутся следы. Асташкин, давай со мной, вернемся к особняку. Скоро будет нам всем кузькина мать.

В сквер на улице Первомайской они возвращались со всеми мерами предосторожности, отсидели в развалинах, ожидая, пока мимо протащится хвост немецкой колонны. Похоже было на то, что противник ушел из города. Кругом стояла подозрительная тишина. Из подвалов выбирались горожане, с опаской осматривались. 20 декабря Красная армия освободила город Волоколамск.

Люди Пахомова уже проверили особняк, живых не нашли. Теперь они стаскивали на пустырь тела погибших, своих укладывали в ряд, немцев бросали как попало, но лицами вверх.

Умер боец, раненный осколками гранаты. Второй дышал со свистом, как резиновая игрушка с дырочкой в боку. Веснушчатый паренек, имеющий представление об оказании первой помощи, бинтовал ему грудь. Агеев тоже держался, сидел, привалившись к дереву. Ранение в ногу не представляло опасности, но промедление с медицинской помощью было чревато.

Шубин стоял у крыльца, мрачно озирался. В строю из тридцати человек остались четырнадцать. Шесть здесь, восемь на предприятии. Война, люди гибнут. С этим он давно смирился, но терпеть не мог, когда смерть оказывалась напрасной.

Прихрамывая, к нему подошел сержант Пахомов и отчитался:

– Пусто в доме, товарищ лейтенант. Осмотрели мы все комнаты. Канцелярия какая-то, письменные столы, сейфы. В подвале маленькая тюрьма, зарешеченные отсеки. Там тоже никого, только трупы в камерах. Немцы через решетку стреляли, даже не заходили. Одеты в нашу форму, грязные, оборванные, у двоих командирские петлицы. Есть еще несколько комнат, где стоят кровати. В цоколе радиопередатчики остались, но не рабочие, пулями пробитые. Еще во дворе, где машина стояла, железный мусорный бак. В нем фрицы бумаги жгли, одна зола осталась. Вы не поймали этих упырей, товарищ лейтенант? Наши-то где?

– Ушли фашисты, – пробормотал Глеб. – Но, может, мы их еще найдем. Не будем отчаиваться.

Он не выдержал, послал гонца к Левитину. Через двадцать минут вернулись все бойцы с удрученными лицами. Хорошая новость, впрочем, имелась. Советские войска входили в город, оставленный фашистами!

Найти беглецов красноармейцам не удалось. Они выявили пару дыр в ограде на северной стороне, заметили свежие следы. Там шли двое, просочились дворами и растворились в городских кварталах. Примкнуть к своим подразделениям им вряд ли удастся, но все же ноги они сделали.

– Надо перекрыть все выезды из города, товарищ лейтенант, если эти люди, конечно, представляют ценность. Им не просто будет вырваться, если пойдут вдвоем. Они немцы, под наших не закосят, даже если переоденутся. Плохо другое. Вдруг эти фрицы окажутся умными? Заберутся в пустующую квартиру – а таких в Волоколамске половина, – отсилятся день-два, потом, когда наши войска уйдут, спокойно переберутся в леса. Мы можем вернуться, товарищ лейтенант, и продолжить поиски. Но это бесполезно. Нужен батальон, чтобы прочесать район.

– Возвращайтесь, – заявил Глеб. – Еще троих с собой возьмите. Чую сердцем, скоро понаедут сюда товарищи офицеры, которым невозможно будет что-то объяснить. Если увидят, что куча народа слоняется без дела, то капнут нам всем придет.

С Шубиным остались сержант Пахомов и три автоматчика.

С улицы Луначарского доносились недовольные крики. Бойцам не нравилось, что два сгоревших грузовика перекрыли дорогу. Подошел танк, выдавил то, что осталось от машин. Колонна тронулась в путь.

К купеческому дому приближалась санитарная машина. Сержант Пахомов бросился ей наперерез, принялся спорить с водителем. В итоге бойцы погрузили в машину раненых товарищей и вздохнули с облегчением. Хоть за это душа болеть не будет.

К особняку подошел пикап с автоматчиками, за ним – грязно-серая «эмка».

Майора Измайлова Шубин встретил с каменным лицом, по уставу отдал честь. Ему не хотелось унижаться и оправдываться. Он сделал все, что только мог, пожертвовал людьми и готов был понести наказание за допущенные ошибки.

Глаза у майора Измайлова были красные от недосыпания. Он обозрел пространство, впился глазами в лейтенанта. Шубин отчитывался лаконично, озвучивал только факты, не оправдывался, не отрицал вины. Майор закрыл глаза, потом распахнул их, снова смотрел, не моргая. Скулы его отяжелели, взгляд сделался хищным.

Глеба поневоле охватывала дрожь. Он понял, что служить под началом этого субъекта было ой как непросто.

– Я услышал тебя, лейтенант, – процедил майор тоном, не предвещающим ничего хорошего. – Ты позволил двум вражеским офицерам уйти, то есть не выполнил мое задание. Понимаешь, чем это чревато?

– Понимаю, товарищ майор. – Шубин говорил спокойно, лицо его не дрожало, а то, что творилось в душе, никого не касалось. – Но поймите и вы. Мы сделали все возможное, проникли в город, занятый врагом, понесли при этом незначительные потери, обложили нужное здание. Мы понятия не имели, сколько человек там находится. Противник нам об этом не докладывал. Мы предотвратили несколько его попыток вырваться. Отступающая вражеская колонна пыталась прорваться по улице Луначарского. Мы не пустили ее, нанесли фашистам существенный урон и повернули их вспять. В противном случае они забрали бы своих людей из клуба. К тому времени, когда все случилось, мы потеряли половину людей. Бегство фрицев на грузовике, признаю, стало неожиданностью. Мы считали, что уничтожили все вражеские машины. – Тут Шубин слегка покривил душой. – Мы вели преследование до последнего. Их

прикрывали двое. Каким-то чудом им удалось вырваться, пробраться на территорию заброшенного завода и оттуда улизнуть. Своей вины в этом не отрицаю, но настаиваю на объективных обстоятельствах. Человек не может уследить за всем. Мои люди продолжают прочесывать территорию. Шанс невелик, но он есть. Попросите у начальства, пусть выделяют еще пару взводов. Вероятность поимки возрастет. И еще одно, товарищ майор. Я уверен, что эти люди не успели примкнуть к отступающим колоннам, и рассчитывать им придется только на свои силы. – Шубин замолчал.

Он все сказал.

Майор разглядывал его критически, с толикой надменности.

– Так вот ты какой, Шубин. Наслышан про тебя, – медленно произнес он. – Не хочешь, значит, под трибунал?

– Никак нет, товарищ майор. Уверен, что еще послужу Родине.

Взгляд Измайлова окончательно ожесточился.

«Это конец. Стоило ли нарываться?» – подумал Глеб.

Молодой капитан, сопровождавший Измайлова, с любопытством разглядывал лейтенанта и на всякий случай помалкивал. Застыл на пустыре Пахомов. Три бойца предпочли не приближаться, мялись в стороне, делали вид, что происходящее их никоим боком не касается. Обстановка накалилась, угрожала лопнуть как чирей.

Измайлов вдруг шумно выдохнул, сплюнул, стал рыться в карманах, вынул пачку «Казбека», вытряхнул из нее папиросу. Шубин щелкнул зажигалкой.

Майор раздраженно отмахнулся, потянулся за своими спичками, прикурил со второй попытки и заявил:

– Адрес, лейтенант, где вы в последний раз видели этих людей!

– Заводской проезд, восемь. Это небольшое предприятие.

– Волоколамский завод металлоконструкций, – подал голос сержант Пахомов, помимо сообразительности отличающийся слухом.

Майор криво усмехнулся, смерил оценивающим взглядом сержанта, потом повернулся к капитану и что-то тихо сказал ему. Тот понятиливо кивнул, припустил к пикапу и забрался в кузов, к бойцам, которым пришлось потесниться. Машина, фыркая выхлопной трубой, подалась к переулку. Т-34 как раз вытянул из него «Опель» с пробитым колесом.

– Ладно, лейтенант, что произошло, то произошло, – пробормотал майор уже другим голосом. – Сам-то как? Эти люди были практически у тебя в руках, и ты их упустил.

– Извелся уже, товарищ майор, – признался Глеб. – Не привык к такому. Но мы даже не знаем, кто это. В здании находились несколько человек. Если там отыщутся мертвые офицеры абвера, то это не наша работа. Они сами с собой покончили. Дом мои люди обыскали, никого живого там нет.

– Ты рассмотрел тех, которые сбежали?

– Одного точно. Ростом примерно с вас, жилистый, спортивно сложен. Волосы светлые, возраст – от тридцати до сорока. Лицо скуластое, я бы даже сказал, костлявое. Когда гримасничает, оно сильно перекашивается. Носит офицерскую форму. Точно не скажу, но майор либо подполковник. Вторым ни разу не показал лицо. Он бежал, а вышеупомянутый офицер его прикрывал. Одет в длинный плащ или макинтош. На голове капюшон, завязанный тесемками под подбородком. Одежда бесформенная, но плечистый. Рост я не разобрал, потому как этот тип постоянно сутулился. Он ни разу не обернулся, товарищ майор.

– Вот же драный потрох! – Измайлов снова стал бледнеть, порвал зубами мундштук недокуренной папиросы, выплюнул огрызок. – Молодец, Шубин! Ты выпустил именно того субъекта, который нам нужен.

– Товарищ майор, не знаю, что и сказать.

– Думаешь, в угол тебя поставлю? Извини, Шубин, это в детском саду угол, а в армии трибунал. Ладно, тут уже ничего не сделаешь. Пугать тебя поздно, а расстреливать не хочу.

– Дайте людей, товарищ майор. Мы прочедем все окрестности, найдем эту парочку. Хорошо бы, конечно, знать, кто они такие.

– Торгуешься, Шубин? Не мытьем, так катаньем, а все о своем? – Измайлов внезапно рассмеялся как-то зловеще. – Наказать бы тебя, а не секреты государственные доверять. Ладно, шило в мешке не утаишь. Скоро каждая свинья знать будет. Считай, Шубин, что тебе повезло. Действовал ты лихо, не отрицаю, и послужной список у тебя не чета другим. Но город ты мне все равно прочешишь. Капитан Казаринов заблокирует выезды в трех направлениях. Будем надеяться, что город эти фрукты не покинут. Знакома тебе такая личность – Амосов Николай Федорович?

– Что-то знакомое, товарищ майор.

– Полковник Амосов, кавалер нескольких орденов и медалей, коммунист с пятнадцатилетним стажем, начальник штаба Триста тридцать четвертой дивизии.

– Он же мертв, товарищ майор, – сказал Шубин. – Еще в октябре, когда наши войска отступали через Волоколамск. Правда, тела не нашли. Вроде бы погиб, выбираясь со своим штабом из болота.

– Черта с два он погиб, – заявил Измайлов. – Полковник Амосов сдался в плен со всеми потрохами, якобы по идейным соображениям, а потом выразил желание сотрудничать с оккупантами. Дивизия дралась как проклятая, погиб комдив Лаврентьев, все командиры полков, политруки водили людей в контратаки. Дивизию разрезали танковые клинья, солдаты бились в «котлах», тонули в болотах. А Амосов выгреб из секретной части все важные документы, сел в «эмку» со своей зазубой, военврачом третьего ранга капитаном Быстрицкой, и подался на передний край, якобы воодушевлять людей личным примером. Быстрицкую потом нашли. Не вынесла душа, отказалась она предавать Родину, вот Амосов ее и пристрелил. Машина тоже отыскалась, едва не затонула в болоте. Думали, и Амосов погиб. В тот день как раз немецкие парашютисты в наш тыл высадились. Потом разведка донесла, что вышел Николай Федорович к фрицам с поднятыми руками. Одно дело случайно попасть в плен, другое – осознанно. Вот последнее – это как раз про него. Он заранее все спланировал, людей на верную смерть послал. Два полка по его милости были полностью разгромлены. Амосова объявили погибшим. Сам понимаешь, тогда не время было говорить правду про предательство высокопоставленного офицера. Это не способствовало поддержанию морального духа. Сейчас эта тайна уже не актуальна. Мы в наступление идем. Немцы приняли Амосова с распростертыми объятиями. Он объявил себя пострадавшим от бесчеловечного режима, убежденным противником Советской власти и тому подобное. Фашисты собирались из этого мерзавца икону сделать, всех предателей под его знамена поставить. Наше наступление помешало, но еще не вечер. Я уж молчу про секретные сведения, которыми обладал Амосов. Большая доля наших неудач октября и ноября – дело его рук. Все наши тайны выдал этот ублюдок. Какое-то время фрицы возили его по позициям, устраивали встречи с пленными красноармейцами. На них всякое случалось. И плевались в него, и презрением окатывали. Но кого-то переманили. Пропагандистская машина у фашистов сильна. Отвезли они его в тыл, потом вернули в Волоколамск, в этот отдел абвера. Курировал Амосова майор военной разведки Филипп Хансен, постоянно находился при нем, охранял, замасливал. Знаешь, офицер со светлыми волосами, которого ты описал, это он самый и есть. – Измайлов скрипнул зубами. – А второй, которого он прикрывал... сам понимаешь, кто это. Так что как ни крути, Шубин, а прокололся ты крупно.

– Не знал, товарищ майор. – Кровь отлила от лица лейтенанта. – Приказ был блокировать здание, и мы это сделали. Мы найдем его, товарищ майор, землю будем рыть.

– Так иди и рой, – едко бросил Измайлов. – Твой комполка будет в курсе. Получишь дополнительный взвод, но чтобы вернул без потерь, каким взял, не так, как этих. – Майор кивнул на горстку бойцов у здания клуба.

– Разрешите вопрос, товарищ майор? Почему они сидели до последнего? Ведь понимали, что мы возьмем город.

– Это ты понимал, – заявил Измайлов. – Я тоже, наши командиры и бойцы. А немцы вообще не привыкли отступать, ждали подхода двух укомплектованных батальонов из района Свищево. Подоспей они, нам бы точно город не взять. Наша разведка тоже не пальцем делана, лейтенант. Перекрыли им дорогу. Батареи зенитной артиллерии полтора часа обрабатывали наступающую колонну. А эти черти в городе до последнего ждали. В общем, давай, принимай эстафету у капитана Казаринова.

Глава 4

Сбежавшего предателя красноармейцы так и не нашли. Они весь день прочесывали район, опрашивали местных жителей, всех подозрительных забирали, а потом отпускали, установив личности. Приметы полковника были весьма размыты. Фото отсутствовало, а выяснить подробности не удалось. Прибыл посыльный из штаба, сообщил, что майора Измайлова срочно вызывают туда.

Бойцы ворчали. Мол, ищем незнамо кого. Средний рост, комплекция, возраст. Просто замечательно!

На выездах из города красноармейцы задержали с десятков мужчин, половину отпустили. Из остальных трое оказались беглыми полицаями, четвертый работал на гражданской должности в немецкой управе, пятый и вовсе оказался германским офицером, правда, гауптманом, темноволосым, не имеющим отношения к Филиппу Хансену. Но хоть что-то.

Две местные женщины видели людей, которые быстро переходили двор. По приметам один из них был Хансен, но уже в штатском. Второй опять же представлял собой что-то невнятное. Длинная бесформенная одежда, капюшон. Воссоединиться со своими они не успели, выбрались из города самостоятельно.

Впоследствии нашлась еще одна женщина. Она проживала на северо-западной окраине, видела, как двое мужчин прятались за дровяником от советской колонны. При этом человек высокого роста опять был в штатском. Повторно этих людей гражданка не встречала. Двор, где она их засекла, красноармейцы обыскали со всей основательностью, но результат оказался нулевым.

Шубин кусал локти. Чертов режим секретности! Знать бы заранее, с чем имеешь дело, можно было бы иначе подойти к выполнению задания.

Майора Измайлова в этот день он больше не видел. Война закружила и разбросала их. По слухам, машина с майором попала в засаду, но он вроде выжил, отделался царапинами.

К вечеру красноармейцы, блуждающие по городу, были отправлены в распоряжение. Майор Суслов выражал недовольство. Почему его люди занимаются несвойственной им работой?

Части противника отступили к границам Волоколамского района. Советские войска развивали наступление, преследовали врага. В тот же день правофланговые части 1-й Ударной армии вышли к реке Ламе. 20-я и 16-я армии оказывали содействие основной наступающей группировке.

Попытка прорвать оборону противника существенных результатов не дала. Боевые действия на этом рубеже грозили принять затяжной характер. Но люди радовались. Красная армия все же отогнала врага от Москвы.

Несколько раз советские войска предпринимали попытки перейти в наступление и всякий раз откатывались. Немцы лихорадочно снимали силы с других фронтов и бросали их под Москву. Подходили последние резервы из Восточной Европы.

Но враг еще не потерял надежды прорваться к Москве. Попытка перейти в наступление под деревней Рыково была, очевидно, последней в этой зимней кампании. Там сохранился каменный мост через реку Горянку. Обе враждующие стороны берегли его для себя. Форсировать преграду вброд на этом участке было невозможно, глубина не позволяла.

Немецкие танки прошли через мост на рассвете 23 декабря. Они выбрались на восточный берег и двинулись к Рыково, замшелой безлюдной деревушке.

Своевременные данные об этом советское командование не получило. Взвод пешей разведки, наблюдавший за этими действиями, до своих не дошел. Бойцы попали в засаду, и все погибли в неравном бою.

Но успех противника был недолгим. Деревушка оказалась не такой уж необитаемой. В ней расположилась пулеметная рота. Бойцы носили маскировочные халаты, прятались в сараях и подвалах.

Передовой мотоциклетный отряд противника бегло осмотрел деревню, казавшуюся вымершей, и устремился дальше. Следом пошли танки «Т-3» и «Т-4». Они миновали деревню, стали вгрызаться в лесистую местность, испещренную оврагами. Незначительные кордоны советских войск на этом пути были смяты.

Через Рыково ускоренным маршем двинулась пехота на грузовиках и гужевых повозках. Два батальона спешно направлялись в село Лазурное, расположенное в трех верстах на восток. Там эти силы должны были закрепиться и ждать подхода основных частей. На карте боевых действий мог возникнуть выступ, направленный в глубину советской территории.

Пулеметчики, засевшие в Рыково, забросали гранатами головные машины, после чего стали расстреливать колонну в упор. Снег сделался серым от шинелей мертвых солдат вермахта. Позиции красноармейцы выбрали умно. Они косили живую силу врага, практически не встречая сопротивления.

Паре грузовиков удалось прорваться к ближайшему перелеску, но и там их достойно встретили. Пули пробили бензобаки. Машины полыхали как веселые пионерские костры, создавали новогоднее настроение.

Пехота и танковые колонны оказались разобщены. Немецкие солдаты рассеялись по заснеженному полю, отступали в низины и перелески.

Из-за реки прибыло специальное мотоциклетное подразделение, призванное бороться с диверсантами в тылу. Машины носились по деревне, пулеметчики в люльках крошили покосившиеся дощатые избы, чахлые сараи. Ответным огнем красноармейцы сбивали врагов с седел. Мотоциклы переворачивались, взрывались. Дорога в обратном направлении оказалась окончательно запертой.

Однако ответный удар немцев не заставил себя ждать. Из-за Горянки заработали минометные батареи. Деревня и ближайшие окрестности утонули в разрывах. За двадцать минут обстрела были уничтожены все избы, деревня перестала существовать. Выжили только те красноармейцы, которые укрылись в глубоких подвалах.

По оврагу в советский тыл вышли восемнадцать человек – все, что осталось от полностью укомплектованной пулеметной роты. Но дело того стоило.

Вражеские танки завязли в оврагах и без поддержки пехоты стали просто мишенями. Советское командование быстро сориентировалось в меняющейся обстановке. Немецкая бронетехника вышла из леса и попала в засаду. Вездеходы успели подтащить батарею сорокапятимиллиметровых противотанковых орудий. Две роты «тридцатьчетверок» подошли своим ходом.

Орудия и «Т-34» стреляли в упор и постоянно меняли позиции. Половина немецких танков были подбита сразу, при этом советская сторона потеряла всего две боевые машины.

Стальные машины с крестами на броне отползали в лес, оттуда – к Рыково, над которым в морозном воздухе зависло облако гари. Наступательный порыв был утрачен, колонна понесла серьезный урон. Командование приказало танкистам отходить обратно за реку.

Вблизи моста их поджидал очередной сюрприз. Техника скопилась у переправы, и в этот момент по ней нанесла удар советская бомбардировочная авиация. Несколько танков были полностью уничтожены. От колонны уцелело чуть более десятка машин, и последствия этого побоища оказались необратимыми.

На этом наступательный порыв немецкой стороны иссяк. Войска встали на всех направлениях. Фюрер под давлением генералов издал директиву о переходе к обороне на всей линии фронта.

Комполка Суслов вызвал Шубина в свой блиндаж и осведомился:

– Ты сформировал разведвзвод, лейтенант?

– В процессе, товарищ майор, – уклончиво отозвался Глеб. – А если честно, пока не до этого. Людей мне никто не даст. Зубами вцепятся, но при себе удержат. В подразделениях каждый человек на счету. В Волоколамске у меня осталось четырнадцать бойцов, включая двух сержантов. Пока все живы. В общем, это все, что я имею на данный момент.

– Значит, толковые вояки, если живы, – заявил Суслов. – Вот с ними и неси службу. Знаешь мост через Горянку?

– Кто же его не знает, товарищ майор? – Глеб улыбнулся. – Это теперь такая же достопримечательность, как Эйфелева башня в Париже.

– Нужно сохранить этот мост для наших танков. Нам он требуется как воздух, а вот немцам теперь не нужен и даже представляет опасность для них. Ловишь мысль, или нужно разжевывать?

– Ловлю, товарищ майор.

– Тогда действуй, не медли. В прорыв пойдем как стемнеет. Сейчас три часа пополудни. Авиационная разведка час назад докладывала, что мост цел. Но противник активизируется в лесу на той стороне. Твоя задача – выдвинуться в район моста и взять его под охрану. Немцы пойдут, гони их взашей, хватит уже им хозяйничать на нашей земле. Возьми пару пулеметов, гранаты, противотанковое ружье. Если вам повезет, то просто позагорают. Иначе будете держаться до темноты и препятствовать попыткам противника разрушить переправу. Без этого моста, сам понимаешь, танки за речку не пройдут. Все, иди, лейтенант. Удачи тебе! Благословлять не буду.

Танки, подбитые советской авиацией, оказались хорошей ширмой. Разведчики в маскхалатах сползли с горки, собрались за обгоревшими машинами. На мосту стояла охрана и возились немецкие саперы. Они минировали его, часть взрывчатки заложили под опору, остальное – под настил. От взрывателей, установленных на тротильных шашках, тянулись провода на другой берег. Покрикивал младший командир, подгоняя подчиненных.

За мостом вилась дорога, упиралась в лес, до которого было метров четыреста. На дальнем берегу стоял небольшой грузовик. На нем сюда прибыли саперы.

Разведчики подползали к мосту. Риск присутствовал наивысший. Если немцы их засекут, то все погибнут.

Шубин приказал бойцам остановиться, зарылся в снег. Распоряжение шепотом передавалось по цепи. Движение встало, люди лежали на склоне вдоль дороги и явно чувствовали себя не в своей тарелке. Можно было открыть огонь, уничтожить охрану, половину саперов. Но внизу находились другие. Они схватятся за оружие, и будут потери.

Терять людей лейтенант сегодня не хотел. Ситуация была не из тех, когда это неизбежно.

Шубин привлек внимание Иванчина, лежащего на краю, кивнул на канаву, тянущуюся вдоль дороги. Парень был толковый, забавно сморщил нос, кивнул. Он пихнул локтем Каратаева, лежащего рядом. Дескать, есть работа. Тот соображал несколько дольше, но все понял правильно. Два бойца переползли в канаву, скрылись из виду.

Шубин снова жестикулировал. Все вперед, малым ходом.

Над землей вихрилась поземка, маскируя людей, сыпал мелкий снег. Лейтенант снова приказал остановиться. Различались голоса охранников, и не стоило искушать судьбу.

Иванчин и Каратаев благополучно проползли мимо охраны. Один застыл, другой отправился дальше, к обрыву. С него хорошо просматривались опоры моста. Внизу возились саперы. На настиле тоже работали несколько человек, ломami и кирками вскрывали покрытие.

Охранника что-то насторожило. Он повернул нос по ветру, но это уже не имело значения.

– Как же мы соскучились по вам, твари! – выкрикнул Серега Каратаев, поднялся и стал стрелять в спины часовых.

Одновременно встал Иванчин, бросил гранату под опору, вскинул автомат и принялся добивать уцелевших фашистов.

Все остальные открыли беглый огонь.

Смеялся рыжий Бердыш. Мол, смотрите, какие молодцы, падают раньше выстрела!

К такому повороту событий саперы не были готовы. Охрана полегла почти мгновенно.

Внизу уцелели двое, спрятались за каменную опору. Однако Толик Иванчин не пожалел вторую гранату, и под мостом все стало тихо.

О сохранности каменных конструкций беспокоиться не стоило. Построены они были основательно, на века.

Красноармейцы уже топали по настилу, добивали раненых саперов выстрелами в головы. Четверо удирали, бросив оружие. Один запутался в проводах, которые разматывал, уронил на ногу тяжелую катушку. Меткая пуля избавила его от боли в конечности. Остальные могли уйти, если бы не Гриша Ванин. Он забрался на настил с ручным пулеметом, развел сошки, лежал как на стрельбище, опустошая диск.

– Братец, да ты первоклассный мазила! – возмутился Федор. – Мне стыдно за тебя. Уйдут же фрицы! Товарищ лейтенант, давайте выразим ему презрение!

Но саперы не ушли. Они бежали по полю, когда свинцовый вихрь настиг всю троицу.

– Ничего не может сделать сразу, – проворчал Федор, помогая брату подняться. – Тренироваться надо, боец, учиться поражать ростовые мишени.

Взрывы под опорами порвали лед, и мертвецов захлестывала вода. Тела неприкаянно болтались в проруби.

– Эх, порыбачить бы, – размышлял Бердыш. – У нас на Чалой замечательный клев зимой. Окуни с ершами в хвосты друг дружке вцепляются. Лишь бы ты их вытащил!

– Здесь нет рыбалки, Бердыш, – заявил седой не по годам Извозчиков. – Только дохлые фрицы иногда клюют.

Шубин даже не сомневался в том, что будет беда. Немцы все поняли и спешили избавиться от моста.

Глеб погнал людей на другую сторону, приказал им закрепиться под обрывом, оборудовать огневые позиции для пулеметов. Разведчики торопились, мельтешили в воздухе саперные лопатки.

Вскоре начался минометный обстрел из дальнего леса. Была единственная батарея. Сперва мины ложились с недолетом, потом – все ближе. Люди вжались в землю, отчаянно молились. Грохотало уже под носом, разлетались крупные пласты смерзшейся земли.

– Ну, братцы, даст бог, еще увидимся, – прохрипел красноармеец Краев, вполз в расщелину и надвинул на себя глиняную глыбу, оторвавшуюся от обрыва.

Минометчики целили в мост, но это оказалось трудной задачей. Мины ложились то слева, то справа, в нескольких местах проббили лед. Обвалился пласт обрыва, хлынула осыпь, а вместе с ней и красноармеец Барковский, слава богу, живой. Он проделал пару кульбитов, выехал на лед, но быстро стал карабкаться обратно. Кто-то из товарищей подал ему руку, впустил в свое убежище.

Боеприпасы на последнем этапе зимней кампании немцы экономили. Обстрел продолжался минут пятнадцать, потом угас. Мост стоял как влитой. Разрушить его мог только целенаправленный взрыв.

Атака началась почти сразу после завершения минометного обстрела. Два грузовика с пехотой выехали из леса, буксовали на заметенной дороге.

Заработало противотанковое ружье. Косаренко откровенно мазал, с досадой выбивал из казенника отстрелянные гильзы. Только с пятого выстрела он попал в колесо. Машина задыхалась, но уже стояла, а пехотинцы прыгали из кузова. Метался водитель, пытался куском брезента погасить пламя. Вторая машина встала на безопасном удалении. С нее слетели солдаты, выгрузили громоздкий пулемет с коробами патронов, разбежались, попадали в снег.

– Не вставать, экономить патроны, держаться до прихода наших! – выкрикнул Шубин.

Это был не самый простой денек. Однако у командира взвода создавалось впечатление, что немцы начинают воевать из-под палки, без огонька. Они вяло постреливали, вставали, перебежали. Солдаты устали, потеряли многих товарищей, были отогнаны от Москвы, и боевой задор у них упал. Команды старших фрицы пока выполняли, но в огонь и воду не бросались, берегли свои жизни.

Заработал пулемет, посыпалась земля с косогора. Схватился за живот и покатился вниз красноармеец Шпагин, рослый привлекательный парень из Подмосковья. К нему подобрался Бердыш, стал трясти за плечо. Боец был уже мертв, пронзительно смотрел в небо.

Посыпались гневные выкрики. Красноармейцы открыли хаотичный огонь. Заработали «дегтяри».

Немец с пулеметом уткнулся носом в снег, а ствол его оружия задрался в небо. На замену ему приполз другой, но и этот долго не продержался.

Откуда-то взялся офицер в фуражке с лихо задранной тульей, стал призывать своих бойцов не посрамить великую Германию. Немцы поднялись в атаку так, словно сделали ему одолжение, пробежали десять или пятнадцать метров и залегли.

Звуки сливались в невообразимую какофонию. Орали и строчили красноармейцы, снова ругались братья Ванины, не поделившие пулемет. Методично вел огонь из «дегтяря» невозмутимый красноармеец Косаренко.

Немцы отвечали из карабинов. Это оружие не отличалось скорострельностью, но было эффективно на дальних дистанциях.

Шубин охрип, призывая бойцов держаться. Но им и так было понятно, что отступать нельзя. Только выбежишь на мост, тут тебе и конец. Пот хлестал с лейтенанта как на курорте в знойный день. Он ловил в прицел перебегающие фигуры, одного, кажется, убил, другого ранил, но меньше врагов не становилось.

Охнул красноармеец Извозчиков, сполз с обрыва, зажимая простреленное плечо. Автомат покатился к реке, боец машинально потянулся за ним и взвыл так, как будто руку ему резали без наркоза. К раненому бросился молодой смышленный паренек Димка Краев, выхватил нож, вспорол рукав полушубка.

– Отстань от меня, иди, стреляй. Я сам справлюсь, большой уже! – прошипел Извозчиков.

Краев убедился в том, что ранение не смертельное, и вернулся на позицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.